

УДК/UDC 123.1+343.241

DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-113-117>

EDN: IXLVHH

Научная статья / Original article

ВРЕМЯ И НАКАЗАНИЕ

К. Нью

Университет Гонконга, Гонконг, Китай

Перевод с английского

А. В. Нехаев Омский государственный технический университет,
Россия, 644050, г. Омск, пр. Мира, 11 avnehaev@omgtu.ru

В статье рассматриваются моральные основания практики преднаказания, наказания за преступление до момента его совершения. Вопреки интуиции, нет ничего неправильного в том, чтобы наказать кого-либо до того, как он совершит преступление, если только можно было знать точно либо быть уверенным вне всяких разумных сомнений, что он намеревается и действительно совершит в будущем данное преступление.

Ключевые слова: преступление, наказание, ответственность, вина, возмездие, сдерживание

Для цитирования: Нью К. Время и наказание = New C. Time and punishment / пер. с англ. А. В. Нехаева. Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2026. Т. 11, № 2. С. 113–117. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-113-117>. EDN: IXLVHH.

© Hexaev A. B., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

TIME AND PUNISHMENT

C. New

University of Hong Kong, Hong Kong, China

Translated from English

A. V. Nekhaev

Omsk State Technical University, Mira Ave., 11, Omsk, 644050, Russia

 avnehaev@omgtu.ru

The article examines the moral groundings of the prepunishment practice, punishment for a crime before the crime is committed. Contrary to intuitions, there would not be anything wrong with punishing someone before he committed a crime, if only we could know exactly or be sure beyond reasonable doubt that he intended to and would in fact commit it.

Keywords: crime, punishment, responsibility, guilt, retribution, deterrence

For citation: New C. Time and punishment / trans. from Engl. by A. V. Nekhaev. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(2):113–117. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-113-117>. EDN: IXLVHH. (In Russ.).

© Nekhaev A. V., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ибо человек, который *собирается* совершить преступление, еще не сделал ничего такого, что заслуживает наказания. Энтони Аппиа [1, р. 194].

I. У нас есть сильная интуиция о том, что неправильно наказывать человека за преступление, которого он не совершал. Действительно, принципиальная возможность исключения таких наказаний, часто считается критерием любой адекватной теории наказания. Наказание человека за преступление, которого он не совершал, легко отождествить с наказанием невиновного, и, несомненно, отчасти именно поэтому мы обычно не задаемся вопросом — как мы можем быть оправданы в наказании невиновного? Тем не менее я считаю, что подобное отождествление вводит в заблуждение, и я собираюсь представить пример, который, кажется, подрывает наши интуитивные представления о наказании. Если данный пример обоснован, то он позволяет предположить, что в нашем моральном мышлении есть место для понятия преднаказания, и что только эпистемические, а не моральные ограничения мешают нам применять его на практике. Под 'преднаказанием' имеется в виду наказание за преступление до его совершения; 'постнаказание' используется для обозначения наказания после совершения преступления. Рассматриваемый пример оставляет открытой возможность для 'синх-наказания' — наказания во время совершения преступления¹. Я не буду обсуждать его в явном виде, но полагаю, что все доводы в пользу преднаказания могут быть приведены *mutatis mutandis* и в пользу синхнаказания.

II. Вот мой пример. Бен, любитель философии и сотрудник дорожно-патрульной службы штата Аляски, и Эдджи, эксцентричный крючковор и автолихач, оба знают, что Эдджи намеревается, будет намереваться и в конечном итоге осуществит свое намерение превысить скорость на отдаленном, не патрулируемом, но оборудованном радаром участке Wilderness One² в 10:31 завтра утром. Они знают это в силу (a) интроспективной осведомленности Эдджи о его собственных намерениях; (b) неинтроспективной осведомленности Бена и Эдджи о намерениях, характере, способностях и ресурсах Эдджи (можно предположить, что она также включает в себя сложные нейрофизиологические данные); (c) осведомленности Бена и Эдджи о состоянии Wilderness One, автомобиля Эдджи и неспособности полицейских штата Аляски выследить Эдджи или добраться до столь отдаленного места правонарушения³ раньше, чем пройдет пара часов после его совершения. Эдджи, оставаясь вне зоны досягаемости, связывается с Беном по радию со следующим предложением: если Бен выпишет штраф с фиксированной суммой за это правонарушение до его совершения, Эдджи заплатит штраф прежде, чем его совершит; если же Бен выпишет штраф только после совершения правонарушения, Эдджи покинет штат и избежит уплаты штрафа. И Эдджи, и Бен знают, что Эдджи говорит правду, в силу тех же самых условий, по которым они знают, что он собирается совершить данное правонарушение. После некоторых размышлений Бен решает выписать штраф, вписав в него завтрашнее число как дату правонарушения. Он доставляет извещение о штрафе по ближайшему адресу Эдджи, после чего жена Эдджи передает чек на оплату штрафа, который тот оставил у нее заранее в запечатанном конверте.

Чек немедленно обналичивается, и уже на следующий день ровно в 10:31 утра Эдджи превышает скорость на Wilderness One в точности так, как было указано в извещении о штрафе.

Какие возражения (помимо тех, что вытекают из действующего законодательства) можно выдвинуть против этого примера преднаказания? Одно из возражений может заключаться в том, что описанные мной события вовсе не являются примером преднаказания, а скорее отсрочкой наказания за другое правонарушение. Можно предположить, что Эдджи был наказан за незаконное действие, состав которого заключается в планировании превысить скорость, и соответственно наказание назначается после совершения этого правонарушения. Но это не так; в моем примере подчеркивается, что правонарушение Эдджи состоит в *превышении скорости в 10:31 завтра утром*, а не в сегодняшнем *планировании превысить скорость в 10:31 завтра утром*. Если бы последнее правонарушение имело место, то, вероятнее всего, можно было бы как отсрочить наказание Эдджи за планирование превышения скорости, так и наказать его за фактическое превышение скорости. Однако несомненно то, что в моем примере Эдджи наказывается именно за завтрашнее превышение ограничения скорости, а не за сегодняшнее планирование превысить данное ограничение завтра утром.

Возможно, кто-то возразит, что в описанном мною примере Бен и Эдджи обладают не знанием, а лишь рациональным убеждением относительно будущих действий Эдджи. Это возражение опирается на скептицизм, который многие из нас не разделяют, и я не буду его здесь обсуждать. Даже если мы признаем, что состояние Бена и Эдджи выражает не знание, а только рациональное убеждение, Бен все равно (как я буду доказывать в разделе III) будет оправдан в том, чтобы принять предложение Эдджи о преднаказании. Ведь убеждение Бена, несомненно, основано на свидетельствах, которые ставят вне разумных сомнений факт о том, что Эдджи совершит преступление, а свидетельства вне разумных сомнений — это все, что мы требуем, когда признаем кого-то виновным и налагаем на него наказание. Поэтому, хотя я и продолжаю говорить о *знании*, скептик может мысленно заменить его *рациональным убеждением*, такая замена не затрагивает основной тезис, который я защищаю, — что преднаказание иногда бывает оправданной процедурой.

Те, кто согласен с тем, что состояние Бена и Эдджи действительно выражает знание, могут тем не менее возразить, что в действительности оно никогда не возникает. Но это не имеет значения. Я не утверждаю, что кто-либо когда-нибудь будет обладать таким знанием, а лишь утверждаю, что было бы вполне разумным допустить подобного рода возможность. Некоторые, вероятно, возмутся ее оспаривать, предполагая, что мой пример должен быть непоследовательным в том или ином отношении. Однако мне не известно ни одного аргумента, который доказывал бы принципиальную невозможность знания о будущих действиях агентов. Поэтому я думаю, что данное возражение в лучшем случае недоказуемо, и мы имеем предварительные основания считать мой пример последовательным.

Все эти возражения носят эпистемический характер. Рассмотрим теперь, дает ли моральные основания для отказа от моего примера какая-либо

из основных теорий наказания. Ретрибутивисты считают, что наказание оправдано не каким-либо сдерживающим эффектом, которое оно может иметь, а тем фактом, что преступник в некотором роде заслуживает страданий за свое преступление. И хотя в этой точке зрения нет ничего такого, что предписывало бы ему страдать *после*, а не *до* совершения преступления, ретрибутивисты могут тем не менее утверждать, что все мы придерживаемся или обязаны придерживаться принципа, согласно которому было бы неправильным наказывать невиновного человека; и наказание Эдджи до совершения им соответствующего преступного деяния открыто нарушает данный принцип, поскольку мы наказываем его в тот момент, пока он невиновен. В ответ на это Бен мог бы указать, что нам следует различать две формы данного принципа. Первая форма заключается в том, что неправильно наказывать человека за преступление, которое он *никогда не совершит*, вторая — что неправильно наказывать человека за преступление, которое, как всем известно, он *намеревается совершить и совершит* после своего наказания. Бен мог бы утверждать, что мы обязаны поддерживать именно первую форму данного принципа, а не вторую, поскольку она в принципе не содержит морально значимых свидетельств наказания невиновных. И в самом деле, в моем примере, если бы мы поддержали вторую форму ретрибутивного принципа, то сознательно позволили бы Эдджи совершить преступление и остаться безнаказанным, что сами же ретрибутивисты сочли бы чем-то морально недопустимым.

Здесь на ум приходит одна аналогия, хотя и не во всем точная. Мы обязаны оплачивать купленные нами товары: если мы не платим за них после доставки, значит, — должны платить до нее. Почему не должно быть так же и с наказанием? Мы обязаны платить за свои преступления, утверждает ретрибутивист. Отлично, тогда если мы не платим за свои преступления после их совершения, мы обязаны платить до их совершения. Все, что нам требуется, чтобы все участники процесса наказания точно знали, что наказываемый заслуживает своего наказания; и в моем примере это условие, несомненно, было соблюдено. Тем же, кто настаивает на том, что человек не *становится* виновным и тем самым заслуживающим наказания до тех пор, пока он фактически не находится в процессе совершения преступления (либо уже полностью его совершил?), Бен мог бы ответить, что это просто предрассудок, который придает ненадлежащее моральное значение незначительному временному факту, либо что правдоподобность такой позиции зависит от предположения, что мы на самом деле не *знаем* точно, что преступление будет совершено до тех пор, пока оно фактически не будет совершено (и в этом случае мы никогда не можем знать, *будет* ли оно совершено), однако такое предположение *ex hypothesi* не верно для рассматриваемого мной примера. Если всем участникам коммерческой сделки известно, что покупатель заберет товар, то у продавца нет особых оснований предпочесть отсрочку платежа предоплате. Аналогичным образом, если всем участникам процесса наказания известно, что Эдджи намеревается, будет продолжать намереваться и в конечном итоге осуществит свое намерение нарушить действующее ограничение скорости, у нас не должно быть оснований предпочесть постнаказание преднаказанию. Скорее

в рассматриваемом примере у нас есть основание для отказа от такого предпочтения из-за фактической невозможности постнаказания. Разве ретрибутивная теория показывает, что Бен ошибается?

Кто-то может попытаться возразить, что мы наказываем Эдджи потому, что он *собирается* стать виновным, а не потому, что он уже *стал* таковым. Но разве это *возражение*? Если бы все заинтересованные лица знали, что завтра пройдет тайфун и что ответственный синоптик намеревался, продолжал намереваться и, в конечном итоге, осуществил бы свое намерение не выпустить предупреждение о тайфуне в положенное время, вряд ли они стали бы много раздумывать о том, следует ли его понизить в должности прямо сейчас, не ожидая, пока наступит (или пройдет) положенное время, — особенно если бы они также знали, что не смогут понизить его в должности после тайфуна. Почему же тогда, мог бы спросить Бен, мы должны раздумывать над преднаказанием Эдджи? Трудно сказать, что на это могли бы ответить ретрибутивисты.

На первый взгляд может показаться, что сторонники теории сдерживания способны без особого труда отвергнуть мой пример. У них может возникнуть искушение утверждать, что неправильно преднаказывать Эдджи, потому что *ex hypothesi* не удержит его от совершения будущего преступления, за которое он сейчас наказывается. Но у Бена уже есть готовый ответ. Он мог бы заметить, что то же самое верно и в отношении постнаказания, которое, очевидно, не сдерживает преступников от совершения ими преступлений, за которые они впоследствии были наказаны. И в случае преднаказания, и в случае постнаказания налагаемое наказание может сдерживать потенциальных преступников, равно как и фактических преступников от совершения *других* преступлений в будущем. В примере с преднаказанием Эдджи сторонники теории сдерживания находятся не в лучшем положении, чем ретрибутивисты. Разумеется, если мы изменим соответствующим образом этот пример, предположив, скажем, что конец света наступит сразу же после правонарушения Эдджи, тогда у сторонников теории сдерживания появится основание для отказа от преднаказания, недоступное ретрибутивистам. Ведь тогда *ex hypothesi* никакой сдерживающий эффект от преднаказания не был бы достигнут. Однако сам по себе в своей исходной форме пример не дает сторонникам теории сдерживания такой возможности.

Размышляя над коммерческой аналогией Бена, кто-то может возразить, что преднаказание, по видимому, включает в себя безусловно ошибочную идею о том, что после того, как преступник был наказан, он имеет *право* совершить свое преступление, подобно тому, как человек, внесший предоплату за свой товар, имеет право его забрать. Но подобные размышления были бы заблуждением из-за характера самой аналогии, которая, как я уже говорил, не является точной. Покупатель действительно имеет право на свой товар, потому что это часть неявного или явного договора, который он заключил с продавцом. Между преступником и властями такого договора не существует. Для преступления характерно то, что преступник не имеет права его совершать. Мой пример говорит нам, что Эдджи совершит преступление, и из этого мы можем сделать только один вывод: никто не помешает ему совершить его. Но из факта, что Эдджи уже

был наказан, нельзя сделать вывод о том, что у него есть *право* на совершение преступления.

Этот ответ может вызвать еще одно возражение. Если ничто из наших действий не помешает Эдджи совершить преступление, то можно сказать, что он не является подходящим объектом для какого-либо наказания, ни до, ни после; должно быть наш Эдджи просто психопат, не поддающийся влиянию. Но такое возражение тоже ошибочно. Вполне возможно, что человек, которого нельзя удерживать какими-либо средствами либо отговорить от совершения преступления, не является подходящим объектом для наказания. Однако у нас нет оснований полагать, что Эдджи является таким человеком. Мы знаем только то, что его в *действительности не удастся* удержать или отговорить, а не то, что это в принципе невозможно. Может существовать любое число вполне разумных доводов, которые не удержат его от превышения скорости на Wilderness One, и в рассматриваемом примере мы вправе предположить, что Эдджи такой же человек, как и большинство из нас, — он тот, кто хочет что-то сделать, способен это сделать, и не имеет для этого никаких помех; он вовсе не психопат, не поддающийся влиянию, а такой же подходящий объект для наказания, как и все остальные.

III. Мы рассматривали один конкретный пример, в котором преднаказание представляется оправданным. Но есть ли какие-то ограничения того, как далеко мы можем зайти в подобного рода практике наказания? Кажется, что одно из них будет связано со смертной казнью. Если бы преступлением Эдджи было не превышение скорости на Wilderness One, а, например, убийство одинокого туриста топором, и если бы за убийство полагалась смертная казнь, то было бы невозможно одновременно знать, что он совершит такое убийство, и назначить ему смертную казнь в качестве преднаказания, поскольку казнь предотвратила бы совершение преступления, за которое он должен быть казнен. На первый взгляд, это наводит на мысль, что способность предвидения парадоксальным образом может *помешать* нам назначить Эдджи смертную казнь. Но, конечно же, это не так. Если мы знаем, что он совершит данное убийство, из этого следует, что мы не казним его прежде, чем он это сделает; наша неспособность казнить Эдджи будет вызвана его дьявольской хитростью и неумовимостью, некомпетентностью полиции, коррупцией в суде либо какими-то другими причинами. Наше знание о том, что он совершит данное убийство, влечет за собой то, что мы не казним его заранее, но оно не является *причиной* нашей неспособности его казнить.

Другим ограничением может стать период, в течение которого мы готовы санкционировать преднаказание, что-то вроде существующего в юрисдикциях ограничения на период, в рамках которого мы санкционируем постнаказание. Преступник может быть очень стар или очень молод, или промежуток времени между его наказанием и преступлением может быть слишком долгим, или он может быть очень болен; и эти соображения могут заставить нас отказываться от преднаказания в определенный период, так же как они могут заставить нас отказаться от постнаказания. В этом отношении преднаказание и постнаказание идентичны.

Впрочем, есть одно ограничение, в котором мы должны быть готовыми зайти дальше, чем позволяет исходная форма рассматриваемого примера. (При этом мы удовлетворим скептиков, которые со-

мневаются, действительно ли Бен и Эдджи *знают*, что последний сделает завтра утром.) Мы постулировали, что все участники процесса преднаказания должны *знать*, что преступление было задумано и будет совершено. Но не является ли данное требование слишком строгим? В конце концов, для практики постнаказания требуется не *знание* того, что обвиняемый совершил преступление, а лишь доказательство *вне разумных сомнений*. Предположим, что мы аналогичным образом ослабили бы требование и для практики преднаказания: достаточно просто не иметь разумных сомнений в том, что обвиняемый совершит в будущем определенное преступление. Тогда, конечно же, может получиться, что мы несправедливо наказали человека, пусть даже и из лучших побуждений; более того, исправить несправедливость будет невозможно, поскольку он мог умереть в период времени между назначением ему наказания и установлением факта его невиновности. Но ведь это также и опасность для наших практик постнаказания; поэтому, если мы принимаем риск в одном случае, было бы непоследовательным не принимать его в другом.

IV. По общему признанию, преднаказание является странным понятием, но не тем, которое явным образом исключается эпистемическими или логическими соображениями или какой-либо из основных теорий наказания. Здесь уместно напомнить об обратной причинности — идее, которая на первый взгляд кажется абсурдной, но которую нельзя сразу же исключить из рассмотрения ни на основе логических соображений, ни на основе существующих теорий причинности. В обоих случаях у нас есть возможность сделать такие странные понятия доступными для понимания. Разумеется, в настоящий момент времени мы не способны удовлетворить и, вероятно, никогда не будем способны удовлетворить необходимое для преднаказания эпистемическое условие. Но вопрос в том, только ли отсутствие способности предвидения удерживает нас от подобной практики, или есть какое-то более глубокое, моральное возражение против этого? Мое собственное предположение заключается в том, что никакого более глубокого морального возражения для практики преднаказания нет*.

Примечания переводчика

¹ В переводе сохранены авторские термины 'преднаказание' (prepunishment), 'синхнаказание' (syncpunishment) и 'постнаказание' (postpunishment). Возможными аналогами могли бы стать 'наказание-до', 'наказание-во-время' и 'наказание-после'.

² Термин 'Wilderness' применяется жителями штата Аляска для обозначения неосвоенных местностей и территорий дикой природы, включая зоны многочисленных национальных парков.

³ В примере использован термин 'misdemeanour', которым в некоторых правовых системах общего права (США, Австралия, Новой Зеландии и др.) обозначается особая категория 'мелких' преступных деяний. Как правило, они подлежат менее строгому наказанию (обычно в виде денежных штрафов или общественных работ), чем серьезные уголовные преступления, но более строгому, чем административные правонарушения.

* Комментарии участников семинара кафедры философии Гонконгского университета, на котором эта статья впервые была представлена для обсуждения, а также замечания редактора *Analysis* были для автора крайне полезны и помогли прояснить некоторые рассматриваемые в ней вопросы.

1. Appiah A. *Necessary Questions: An Introduction to Philosophy*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1989. 240 p.

Информация о переводчике:

НЕХАЕВ Андрей Викторович, доктор философских наук, доцент (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры «Философия, медиа и журналистика» Тюменского государственного университета, г. Тюмень.
SPIN-код: 5844-9381
AuthorID (РИНЦ): 394939
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1358-743X>
AuthorID (SCOPUS): 57211853279
ResearcherID: M-7208-2016
e-mail: avnehaev@omgtu.ru

Источник перевода:

New C. Time and Punishment. *Analysis*. 1992;42(1):35–40. <https://doi.org/10.1093/analysis/52.1.35>.
Ссылка на полный текст эссе: <https://academic.oup.com/analysis/article-abstract/52/1/35/144633?redirectedFrom=fulltext>

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в пред-

ставленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 29.04.2026.

Information about the translator:

NEKHAEV Andrei Viktorovich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of Philosophy, Media, and Journalism Department, University of Tyumen, Tyumen.
SPIN-code: 5844-9381
AuthorID (RSCI): 394939
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1358-743X>
AuthorID (SCOPUS): 57211853279
ResearcherID: M-7208-2016
e-mail: avnehaev@omgtu.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The article was submitted 28.04.2023; approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 29.04.2026.